

и реальностью один из важнейших творческих итогов переработки фрагментов «Тавриды» в отдельные самостоятельные произведения. Немаловажным оказывается и то, что традиция сближать мировосприятие Пушкина с художественной философией Гете, восходящая к «Вечным спутникам» Мережковского, получает в ходе их пристального анализа вполне конкретные и четкие историко-литературные основания. Имея в виду уныло элегическую интерпретацию темы смерти в лицейский период и эпикурейскую в петербургский (например, «Кривцову» — 1817), можно констатировать успешное движение Пушкина в сторону открытия в трактовке темы смерти новых, прежде не открывавшихся в русской поэзии горизонтов.

А. С. Лобанова

«ВЕЧЕРНЯ ОТОШЛА ДАВНО»

Вечерня отошла давно,
[Но в кельях тихо и] темно.
Уже и сам игумен строгой
Свои молитвы прекратил
И кости ветхие склонил,
Перекрестясь, на одр убогой.
Кругом и сон и тишина,
Но церкви дверь отворена;
Трепе(щет) луч лампы
И тускло озаряет он
И темну живопись икон
И позлащенные оклады.
И раздается в тишине
То тяжелой вздох, (то) шопот важный,
И мрачно дремлет в вышине
Старинный евод, глухой и влажный.
Стоят за клиросом (чернец)
И грешник — неподвижны оба —
И шопот (?) их, как глас (из) гроба (?),
И грешник бледен, как мертвец.
М. (онах).
Несчастный — полно, перестань,
Ужасна исповедь злодея!
Заплачена тобою дань
Тому, кто в мщеньи (?) свирепя (?)
Лукаво грешника блюдет —
И к вечной гибели ведет.
Смирись! опомнись! [время, время],
покров (?)
Я разрешу тебя — грехов
Сложу мучительное (бремя).

Из отрывка вычленяется завязка сюжета: ночная «исповедь злодея», грешника (вероятно, разбойника) в монастыре; монах-исповедник призывает его «смириться», «опомниться» (ср. варианты: «раскайся!», «раскаянья настало время» — II, 814), подойти под «покров», т. е. епитрахиль (кусоч материи, которым священник, а в данном случае монах покрывает голову исповедующегося, произнося разрешительную молитву), для отпущения грехов. Сюжет этот — о покаянии разбойника, великого грешника, злодея — приводит на память целый ряд произведений послепушкинского времени: рассказ Ионушки «о двух великих грешниках» из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и его же стихотворение «Влас», главу «Влас» в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского, в которой стихотворение Некрасова и «удивительная повесть из народного быта», услышанная от страдальца-схимника, — о человеке, приползшем на коленях «за страданием», раскаяваясь в страшном кощунстве и не надеясь на прощение, — служат писателю материалом к размышлению о русском народном характере. Вспоминается в связи с этим сюжетом и рассказ Льва Толстого «Крестник», основанный на двух легендах из сборника А. Н. Афанасьева — «Крестный отец» и «Грех и покаяние»,¹ и стихотворение В. Я. Брюсова «Сказание о разбойнике». (Из Пролога). Список этот можно, вероятно, продолжить, т. к. сюжеты всех этих произведений имеют общий архетип.

Как будет показано в данной работе, мотив покаяния великого грешника, разбойника, прощения его грехов и спасения его души характерен для христианской культуры вообще и для православной, русской в частности. Самая суть христианства — Благодать, не отменяющая Закона, существовавшего до Христа, и справедливого возмездия за грех, но оставляющая грешнику возможность искупления его грехов покаянием и прощения его силой Божественной Любви, ибо Бог христиан есть Любовь, а, как сказано в Евангелии от Луки, «на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведных, не имеющих нужды в покаянии» (гл. 15, ст. 7).

Сюжет, о котором идет речь, широко распространен как в канонических, так и в апокрифических духовных сочинениях и устных преданиях. Свой образец он имеет в Евангелии

1. Народные русские легенды, собранные [А. Н.] Афанасьевым. Лондон, 1859. № 28, 30; Толстой Л. Н. Полн. собр. соч./ Под ред. В. Г. Черткова. Сер. 1-я. М., 1937. Т. 25. С. 725—732.

от Луки, где речь идет о «разбойнике благоразумном», сораспятом с Христом на кресте и уверовавшем в Него. В то время как другой сораспятый с Христом разбойник глумится над Ним, «разбойник благоразумный» «сказал Иисусу: помни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (гл. 23, ст. 42-43). То же находим в апокрифическом «Евангелии Никодима».² Процитированные слова «разбойника благоразумного» поются во время Литургии, предваряя «заповеди блаженства» («Блаженни нищии духом...»); «разбойник благоразумный» упоминается и в литургической молитве, которую читает священник перед причащением, причем слова «разбойника» приносятся всеми прихожанами: «Вечери Твоя тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими: не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам, яко Иуда, но, яко разбойник, исповедую Тя: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!»³ Память «с Христом разбойнику распеншемуся праведному» отмечена в Великих Четьих Минеях митрополита Макария под 23 марта; упоминается он и под 8 сентября, в чтениях, посвященных Рождеству Богородицы. Известны даже древние иконописные изображения «разбойника благоразумного» с ножом и троеперстным знаменем, с именем «св. Рах».⁴

Среди христианских святых есть два бывших разбойника — св. мученик Варвар мироточец (его память Православная Церковь отмечает 6 мая по ст. стилю) и преподобный Давид (его память — 6 сентября). Эти святые упомянуты под соответствующими датами с указанием на род их занятий до покаяния в двух книгах, сохранившихся в составе пушкинской библиотеки: Любопытный месяцеслов Московский и Всероссийския церкви, заключающий в себе двенадцать месяцев, расположенные по числам Господские, Богородичные праздники и всех Святых, с их жизнеописаниями... М., 1794. С. 59, 115; Орлов Я. В. Памятники событий в Церкви и Отечестве, содержащий в себе: историю церковных праздни-

2. Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях, по рукописям Соловецкой библиотеки. Спб., 1890. С. 174 (Сб. Отд. рус. яз. и словесности Имп. Академии наук. Т. [П. № 4]).

3. Гоголь Н. В. Размышления о Божественной Литургии. Спб., 1857. С. 115.

4. Лесков Н. С. Благоразумный разбойник: (Иконописная фантазия) //Художественный журнал. 1883. № 3.- С. 191—198.

ков, жития Святых... М., 1818. Т. 3. С. 32.⁵ В агиографических источниках о св. Варваре говорится, что он жил в Греции в IV в. по Рождестве Христове, был предводителем разбойников, но «почувствовал отвращение к своим преступлениям /.../ мучимый угрызениями совести, он пришел к священнику, исповедовал свои грехи и каялся 3 года, потом, разрешенный от грехов, удалился /.../ в лес», где провел 15 лет аскетической жизни среди зверей, оброс шерстью и был застрелен проезжими купцами, принявшими его за зверя. Мощи его источали миро.⁶ Житие св. Варвара помещено в Четвх Минеях Димитрия Ростовского под 6 мая. В составленной Опекой описи пушкинской библиотеки под № 374 значились Четвх Миней в количестве 3-х томов.⁷ Неизвестно, была ли среди них майская книжка Миней с житием св. Варвара. Однако, по убедительному предположению М. Б. Рабинович, Пушкину было хорошо известно помещенное в той же майской книжке житие свв. Бориса и Глеба, повлиявшее на рассказ пастуха о чудесном исцелении в «Борисе Годунове».⁸ Кроме того, известно, что Пушкин внимательно читал агиографическую литературу (Миней и Прологи) в течение всей своей жизни. Еще в Лицее 1813 г. он пишет поэму «Монах», основываясь на житии св. Иоанна Новгородского⁹; в январе 1825 г. И. И. Пущин видит Четвх Миней на рабочем столе поэта¹⁰; летом того же года Пушкин, работая над «Борисом Годуновым», тщетно искал в Минеях житие Василия Блаженного, о чем писал В. А. Жуковскому 17 августа (XIII, 212); в его черновиках разных лет сохранились упоминания и выписки из Четвх Миней¹¹.

5. См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. Спб., 1910. №№ 222, 272 (Пушкин и его современники. Вып. 9-10).

6. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Спб., б. д. Т. I. Стлб. 441; Архимандрит Сергей. Полный месяцеслов Востока. М., 1876. Т. 2. С. 125.

7. См.: Модзалевский Л. Б. Библиотека Пушкина: Новые материялы //Лит. наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 1013.

8. Рабинович М. Б. Рассказ пастуха в «Борисе Годунове» //Доклады и сообщения /Филол. ф-т ЛГУ. 1951. Вып. 3. С. 204—208.

9. Щеголев П. Е. Поэма «Монах» //Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1931. С. 32—35.

10. Пущин И. И. Записки о Пушкине //А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. I. С. 102.

11. Подробнее см.: Фомичев С. А. Пушкин и древнерусская литература. 1987. № 1. С. 29-30.

Апокрифические сказания приписывают покаяние за великий грех (кровосмешение) с последующим выполнением непосильной епитимьи и отпущением грехов одному из действующих лиц Ветхого Завета — Лоту (в некоторых вариантах сказания речь идет о безымянном грешнике): Лот (грешник) пришел на покаяние к Аврааму, который велел ему поливать три сгоревших голыни до тех пор, пока они не прорастут, т. е. пока не будут искуплены грехи¹². По некоторым версиям легенды, из дерева, выросшего в результате, был сделан крест, на котором распяли «разбойника благоразумного». ¹³ Сказание о «крестном древе» проникло на Русь из Византии, как и другие апокрифические сказания, двумя путями: через апокрифические сочинения и в устной передаче паломников, ходивших к святым местам. Одним из таких паломников был в XII в. Даниил, «русской земли игумен», изложивший один из вариантов сказания о «крестном древе» в своем «Хождении». ¹⁴ Интересно, что «Хождение» игумена Даниила в Иерусалим упоминается со ссылкой на «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина в черновой записи Пушкина (ПД, № 830. Л. 50), непосредственно соседствующей с черновиком стихотворения «Вечерня отошла давно» (Л. 51, об. 52; Л. 50, об. 51 — чистые, между ними один лист вырван).

С начала XIV в. в Патериках и Прологах Пушкин читал Прологи и делал из них выписки¹⁵) появляются апокрифические сказания о раскаявшихся разбойниках—безымянном юноше, наставленном на путь духовного спасения апостолом и евангелистом Иоанном Богословом, о предводителе разбойников Флавиане, проникшем под видом монаха в женский монастырь с целью ограбления, но раскаявшемся под влиянием кротости, смирения и благочестия монахинь и посвятив-

12. Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877. С. 277. (Сб. Отд. рус. яз. и словесности Имп. Академии наук. Т. 17. С. 277. (Сб. Отд. рус. яз. и словесности Имп. Академии наук. Т. 17. № 1).

13. Там же. С. 99—103; Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1883. Ч. 10. С. 371—378; Памятники отеченной русской литературы /Собраны и изданы Н. Тихонравовым. СПб., 1863. Т. 1. С. 305—309.

14. Порфирьев И. Я. История русской словесности. Казань, 1904. Ч. I. С. 412; Сувцов Н. Ф. Очерки истории южно-русских апокрифических сказаний и песен. Киев, 1888. С. 6.

15. См.: Фомичев С. А. Указ. соч. С. 29-30.

шем остаток своих дней монашескому подвигу (см. стихотворение В. Я. Брюсова на этот сюжет — «Сказание о разбойнике. Из Пролога». (1898)), о разбойниках Давиде, Кираке и др., как названных по имени, так и безымянных.¹⁶ Об интересе Пушкина к апокрифам свидетельствует наличие в его библиотеке книги (хотя и неразрезанной): *Livres Apocryphes de l'Ancien Testament... Paris, 1742.*¹⁷

Легенда о кающемся грешнике, исполнением непосильной епитимьи искупающем грехи, прочно вошла в устное народное творчество.¹⁸ Вспомним хотя бы уже упоминавшуюся легенду «Грех и покаяние». Мотив раскаяния, искупления есть в известной балладе о девяти разбойниках, которые убили зятя и племянника и взяли в плен сестру, не узнав их. Окончание баллады в ее варианте, записанном Пушкиным, звучит так:

Пошли... к родной матушке,
Становились на коленки все
И просили у нее прощеньица...¹⁹

В другом варианте баллады мотив покаяния еще более явственен:

Раздавали разграблено золото-серебро
И все имение-богатство
По тем ли сиротам по бедным,
По тем ли церквям по Божиим;
Сами пошли скитаться по разным странам.²⁰

В былине о Василии Буслаевиче герой так объясняет свое намерение сходить к святым местам:

16. Жданов И. Н. Русский былевой эпос: Исследования и материалы. СПб., 1895. С. 341-342; Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной и русской литературе // Изв. Отд. рус. яз. и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1911. Т. 16. Кн. 2. С. 248—276.

17. См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. № 1108.

18. Яворский Ю. А. Очерки по истории русской народной словесности. I. Легенда о панщине. Львов, 1901; Веселовский А. Н. Указ. соч. С. 378—382; Сумцов Н. Ф. Указ. соч. С. 89; Андреев Н. П. Легенда о двух великих грешниках // Изв. Ленингр. пед. ин-та. Л., 1928. Вып. 1. С. 185—198; Гин. М. М. Спор о великом грешнике: (Некрасовская легенда о «двух великих грешниках» и ее источники) // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1962. Т. 7. С. 90, 93, 95-96.

19. Лит. наследство. М., 1968. Т. 79. С. 188.

20. Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. СПб., 1895. Т. 1. № 180.

Смолоду много бито, граблено,
Под старость хочю душу спасти...²¹

Кроме того, сюжет о паломничестве Василия Буслаевича в Иерусалим бытовал в многочисленных и сказочных вариантах.²²

Тема покаяния, спасения души, ужаснувшейся своим грехам, обычная для жанра, пограничного между книжной и устной народной культурой, — духовных и покаянных стихов, — которые бытовали как в рукописях, так и в устной традиции, в исполнении странников, нищих, «калик переходжих»:

Окаянне убогыи человекче!
Въкъ твой кончается
И конецъ приближается,
А Судъ страшеныи готовится.
Горе тебъ, убогая душе!
Солнце ти есть на запади,
А дене при вечери
И секика при корени.
Душе, душе, почто тлюющими печешися?
Душе, вострепещи...²³

Легенда о покаянии великого грешника имеет множество западноевропейских аналогов.²⁴ Один из них, наиболее распространенный, мог быть известен Пушкину. Это сказание о Роберте Дьяволе — «западном родственнике Василия Буслаевича»²⁵ — человеку, душа которого от рождения продана дьяволу; по некоторым вариантам легенды, он является сыном дьявола и смертной женщины. Древнейшие пересказы легенды известны с XIII в.²⁶ Пушкин мог быть знаком с позд-

21. Василий Буслаев молиться ездил // Древние русские стихотворения, собранные Кириешю Даниловым... М., 1818. С. 169. Это издание находилось в библиотеке Пушкина (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. № 118), но в нем разрезаны только с XXIX—64 и 185—192; цитируя этот сборник в примечаниях к Евгению Онегину», Пушкин, видимо, пользовался первым изданием, не сохранившимся среди его книг (М., 1804; приведенная цитата находится в нем на с. 240).

22. Библиографию см.: Жданов И. Н. Указ. соч. С. 193—194.

23. Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 554. Аналогичные мотивы в устной традиции см.: Калики переходжие: Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1863. Вып. 6. № 674 (текст был записан П. В. Киреевским).

24. См.: Веселовский А. Н. Указ. соч. С. 379, прим; Жданов И. Н. Указ. соч. С. 336, прим.

25. Жданов И. Н. Указ. соч. С. 292.

26. Библиографию см. там же. С. 292—294.

ним французским изложением²⁷ или с его русским переводом²⁸. Нашумевшую в свое время оперу Дж. Мейербера «Роберт Дьявол» (1831; на петербургской сцене она появилась в 1834 г.) Пушкин услышал лишь в 1835 г., о чем свидетельствует письмо Е. Н. Вревской к мужу от 21 января 1835 г. из Петербурга²⁹.

Пушкину, разумеется, были известны и доступны далеко не все из вышеназванных источников. Определенно можно сказать лишь о Евангелии, текстах, звучащих во время церковной службы, об агиографической и отчасти апокрифической литературе (Четых Минеях и Прологах), книгах, сохранившихся в библиотеке поэта, о былинах и народных песнях, которыми он интересовался; мог он слышать и покаянные стихи от нищих, странников, слепцов, юродивых. Однако здесь важны не столько конкретные источники, сколько общий христианский, православный дух, в них выраженный. Вышеназванного вполне достаточно для осмысления фрагмента «Вечерня отошла давно» в его отношении к источнику-архетипу.

Попробуем теперь поставить его в контекст пушкинского творчества. Тема греха и покаяния, смирения находит свое продолжение в позднейших произведениях поэта: в стихотворении «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день»; 1828), в поэме «Анджело», в последнем лирическом цикле. Особенно интересен в этом отношении сделанный Пушкиным в 30-е гг. перевод отрывка из поэмы Р. Соути «Родриг» (1833—1835), где герой, с нетерпением ожидающий смерти, узнает из чудного видения, что умрет и попадет в Царствие Небесное после того, как примет исповедь «великого грешника» и даст ему разрешение грехов.

Все, о чем говорилось до сих пор, — это духовный аспект проблемы. Есть здесь и другой аспект, ставящий фрагмент в несколько иной ряд пушкинских произведений. Это интерес поэта к психологии разбойника, и — шире — человека отчаянного, способного на жестокость и убийство. Интерес этот выразился в биографическом плане в расспросах о судьбах разбойников Урсула и Кирджали в бытность Пушкина в Кишиневе и в посещениях им кишиневского острога,

27. Histoire de Robert le Diable et de Richard sans Peur, son fils //Bibliothèque bleue ou recueil d'histoires singulières et naïves. 1769.

28. История Роберта, герцога нормандского, прозванного Дьяволом, переведенная с французского И. Я. (ковкиным). СПб., 1985.

29. Пушкин и его современники. Пгр., 1916. Вып. 21-22. С. 388.

а впоследствии — в изучении личности Пугачева; в творческом плане — в стихотворениях «Дочери Карагеоргия», «Черная шаль», «Кирджали» и повести с тем же названием, «Чinovник и поэт», в «Песнях о Стеньке Разине», в поэмах «Братья разбойники» и «Бахчисарайский фонтан», позже — в «Капитанской дочке» и «Истории Пугачева», отчасти в «Дубровском». Нас сейчас по преимуществу интересует поэма «Братья разбойники», которая имеет с рассматриваемым фрагментом несомненную связь.

Экспозиция обоих произведений представляет собой описание ночи: в первом случае — в лагере разбойников, во втором — в монастыре. И в поэме, и во фрагменте завязкой повествования является ночная «исповедь злодея», но в поэме можно говорить об исповеди лишь фигурально, имея в виду просто откровенный рассказ разбойника о своей жизни; во фрагменте же разбойник перешел в монастырь именно для того, чтобы, действительно, исповедоваться, «сложить мучительное бремя» грехов. Напрашивающееся само собой сравнение с поэмой И. И. Козлова «Чернец»³⁰ действительно скорее для «Братьев разбойников», нежели для нашего фрагмента, т. к. в сугубо романтическом произведении Козлова хотя чернец и стал убийцей невольно, в его сердце нет раскаяния, оно заглушено чувством земной любви, и именно за нее он прощен; во фрагменте же, в отличие от обеих поэм, имеет место мотив проснувшейся совести, жаждущей искупления. Тот же сюжет, что и в поэме «Братья разбойники», — рассказ разбойника о своей жизни и злодеяниях — во фрагменте «Вечерня отошла давно» разворачивается на ином уровне. В поэме царит ночной мрак и в прямом, и в переносном смысле: рассказ разбойника заканчивается смертью брата и — вместе с ним — гибелью его собственной души:

Окамел мой дух жестокой,
И в сердце жалость умерла (IV, 151).

Во фрагменте намечен путь грешника от мрака к свету, от греха к покаянию и разрешению, к избавлению от «вечной гибели» души. В определенном смысле данный отрывок оказывается продолжением «Братьев разбойников», дальнейшей разработкой сюжета поэмы. Возможно, имея в виду этот свой

30. Ср.: «По-видимому, набросок этот («Вечерня отошла давно». — А. Л.) представляет начало какой-то поэмы, — может быть, в роде Чернеца Козлова» (Соч. Пушкина /Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1912. Т. 3. Примечания. С. 119).

замысел, Пушкин не включил в прижизненные издания поэмы ее финал (напечатанный П. А. Плетневым в посмертном издании), в котором мотив раскаяния присутствует как будущая возможность:

В их сердце дремлет совесть.
Она проснется в черный день (IV, 372).

С другой стороны, вероятно, имея в виду уже написанную поэму, Пушкин в отрывке «Вечерня отошла давно» сохранил, так сказать, «тайну исповеди» — сама «исповедь злодея» опущена (по логике повествования, ее место между ст. 20 и 21), хотя о ней идет речь и показана реакция на нее духовника. Интересно в связи с этим, что беловик «Братьев разбойников» Пушкин посылает П. А. Вяземскому для публикации 11 ноября 1823 г., т. е. возвращается к своему старому произведению именно тогда, когда идет работа над фрагментом «Вечерня отошла давно» (в академическом издании он датирован «предположительно около первых чисел ноября 1823 г.» — II, 1130). Усугубляет близость двух произведений (ни в коей мере не являясь, разумеется, ее доказательством) тот факт, что отрывок Пушкин пишет тем же размером, которым написаны «Братья разбойники» и все «южные» поэмы, кроме «Гаврилииды», — четырехстопным ямбом.

Заслуживает внимания и отмеченная еще Н. О. Лернером³¹ и П. О. Морозовым³² близость ст. 22—24 отрывка черновому фрагменту лирического эпилога «Бахчисарайского фонтана», не включенному Пушкиным в печатную редакцию поэмы:

[Безумец!] полно! перестать,
Не оживляй тоски напрасной,
Мятежным снам любви несчастной
Заплачена тобою дань... (IV, 170-171)

С. А. Фомичев объясняет это связью обоих произведений с поэмой Байрона «Гяур»³³. Вовсе не отрицая этого, попытаемся установить связь двух произведений, а, точнее, их замыслов, в пределах пушкинского творчества, как через поэму «Братья разбойники», так и непосредственно. Уже Морозов,

31. Пушкин. [Соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1908. Т. 2. С. 584.

32. Соч. Пушкина / Под ред. П. О. Морозова. Т. 3. Примечания. С. 119, 290.

33. Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 88.

а вслед за ним и Б. В. Томашевский считали, что первоначальные планы «Братьев разбойников», где фигурировали атаман, любящая его любовница, шедшая с ума от ревности, и новая, взятая им в плен, не любящая его и в конце концов умирающая (ПД, № 831. Л. 45, 61, об.), реализовались в сюжете «Бахчисарайского фонтана», т. е. интересовавшие Пушкина психологическая ситуация и соотношение характеров перенесены в иную внешнюю среду³⁴. Между тем в плане «Бахчисарайского фонтана» (ПД, № 834. Л. 1, об.), в свою очередь, есть пункт, не нашедший никакого отражения в поэме. Этот пункт — «Монах», — возможно, и реализуется в стихотворении «Вечерня отошла давно» с привлечением текстового материала, также оказавшегося, как уже говорилось, вне окончательной редакции поэмы³⁵.

В рассматриваемом фрагменте впервые, пожалуй, в пушкинском творчестве сокнулись духовные поиски поэта и его интерес к личности с сильными страстями, не чуждой злодейства. М. Покровский связывал обращение Пушкина к «проблеме об убийстве и раскаянии убийцы» с его увлечением драматическими произведениями Шекспира, которое началось знакомством с ними в южной и углубилось в михайловской ссылке³⁶. Разумеется, нельзя отрицать влияния Шекспира; однако, мы видим, что на родной Пушкину почве существовали достаточно глубокие и стойкие предпосылки для разработки им этой темы. Следующий опыт такого рода — уже законченный и блистательно удавшийся — личность Бориса в трагедии «Борис Годунов». Здесь уместно вспомнить о том, как Пушкин в письме к Вяземскому благодарил Карамзина за замечание о «поэтической (...) стороне» характера Бориса, на которую он не обратил внимания раньше (XIII, 226-227) и которая состояла, по мнению историка, в «дикой смеси набожности и преступных страстей» (XIII, 224).

В свете последующего пушкинского творчества фрагмент «Вечерня отошла давно» оказывается первой попыткой свести воедино в их взаимосвязи те две грани русского национа-

34. Соч. Пушкина /Под ред. П. О. Морозова. Т. 3. Примечания. С. 181; Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. I: (1813—1824). С. 456-457.

35. Этим косвенно подкрепляется справедливость утверждения С. А. Фомичева о том, что Пушкин исключил лирический эпизод из «Бахчисарайского фонтана» по творческим причинам, а не только из-за автоцензуры (Фомичев С. А. Указ. соч. С. 87).

36. Покровский М. Шекспиризм Пушкина //Пушкин. [Соч.] /Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1910. Т. 4. С. 13—20.

льного характера, о которых впоследствии очень точно скажет Достоевский в уже упоминавшейся главе «Влас» из «Дневника писателя»: русский человек способен «как-то вдруг (...) попасть в (...) роковой для нас круговорот судорожного и моментального самоотрицания и саморазрушения (...) и иные роковые минуты его жизни», и вместе с тем одержим «жаждов самосохранения и покаяния (...) когда дойдет до последней черты, то есть когда уже идти больше некуда», причем «обратный толчок, толчок восстановления и самоспасения, всегда бывает серьезнее прежнего порыва — порыва отрицания и саморазрушения»³⁷.

37. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 33—35.

Государственный музей

А. С. Пушкина

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
А. С. ПУШКИНА

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Москва

1993